
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-25

РОЛЬ СПОСОБА ДЕМЕТАФОРИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ПРЕСКРИПТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПАРЕМИИ

© Будаева Цындыма Львовна

аспирант, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: budaeva_21@mail.ru.

В статье рассматривается роль способа-деметафоризации в переводе прескриптивной составляющей паремических единиц, относящихся в переводоведении к категории труднопереводимых ввиду их расхождения по концептуальному наполнению, а также по степени экспликации прескрипции (предписания). Перевод-деметафоризация как промежуточный этап перевода представляет собой узуально-дословный нормативный перевод, выполняющий в рамках данного исследования роль инструмента металингвистического анализа исходной единицы, который заключается в изучении сути механизма метафоризации обыденного в качестве этических постулатов. Данный способ перевода в значительной степени облегчает, во-первых, процесс декодирования прескриптивного потенциала, т.е. заложенной в паремии дидактической ценности, во-вторых, поиск и подбор соответствующих пословиц-коррелятов. В работе также проводится сравнение тех или иных образов и признаков, «эксплуатируемых» в исходной пословице и подобранных коррелятах с точки зрения формирования схожих нравственных установок и выражения общей дидактической функции. В качестве примеров для анализа и иллюстрации отобраны бурятско-русско-английские паремические фразеологизмы.

Ключевые слова: перевод; фразеологизм; паремия; метафоризация; способ перевода; перевод-деметафоризация; коррелят; прескрипция; прескриптивный потенциал; дидактическая функция; метаязыковой анализ.

Паремические фразеологизмы, иначе говоря, пословицы, составляют золотой фонд культуры, поскольку являются кладью этно-ориентированных ценностей, в свою очередь представляющих собой основу понимания способов и ориентиров познания и мышления представителей той или иной культуры [Дашинимаева, Жанаев, 2014].

Перевод паремических единиц всегда представляет собой сложную задачу для переводчика, т. к. в них присутствует такая категория, как прескрипция, основная суть которой заключается в предписании, норме, высказывании, обязывающем, разрешающем или запрещающем что-то сделать и не являющемся истинным или ложным [Ивин, 2004]. В рамках нашего исследования под данной категорией мы понимаем высказывание, содержащее некое предписание и указывающее на подобающий с точки зрения культурных ориентиров тип поведения, т.е. высказывание, выражающее определённую дидактическую ценность [Будаева, Дашинимаева, 2016]. В этом смысле при передаче прескриптивного потенциала

пословиц с одного языка на другой возникают некоторые трудности, вызванные их расхождением по концептуальному содержанию, а также по степени экспликации прескрипции.

В работе «Теория перевода: психолингвистический подход» (2017) П. П. Дашинамаевой предлагается особое внимание уделить промежуточному этапу перевода — переводу-деметафоризации. Для иллюстрации автор сравнивает бурятско-русско-английскую паремическую фразеологию, представив её в виде таблицы, состоящей из пяти колонок (табл. 1) [Дашинамаева, 2017, с. 262].

Таблица 1

Исходная бурятская паремия	Перевод-деметафоризация на английский язык	Перевод-деметафоризация на русский язык	Английский фразеологический эквивалент / аналог	Русский фразеологический эквивалент / аналог
Үглөө эдихэ өөхэн һөө, мүнөө эдихэ уушхан дээрэ.	The lungs you eat today are better than the fat you will eat tomorrow.	Легкие , которые ты ешь сейчас, лучше, чем сало , которое съешь завтра.	A bird in the hand is worth two in the bush.	Синица в руках лучше, чем журавль в небе.
Олон тарбаган нобшодоо хүртэхэгүй.	A bunch of gophers together and still they can't handle their mess.	Тарбаганов слишком много, а на хлам (лап) так и не хватает.	Too many cooks spoil the broth. / No rest for the wicked .	У семи нянек дитя без глазу.
Бушуу туулай борьбодоо бааһатай. Түргэдэжэ ябаһаар түриигөө һэтэ гэшхэхэ.	A hasty hare has manure on its heels. The one who hurries will tear the tops of his boots.	У быстрого зайца лапы испачканы в помете. Тот, кто торопится, наступит на голенища и раздерет их	More haste, less speed. / Slow but sure	Тише едешь, дальше будешь. / Поспешишь — людей насмешишь. / Скоро, да не споро.
Зоболон гасалан хоёр зургаа хоноод, эртэ ерэхэ. Зол жаргал хоёр зуу хоноод, орой ерэхэ.	Grief and suffering come early after six days. Happiness and joy come late after a hundred days.	Горести и страдания приходят рано на шестой день. Удача и счастье приходят запоздало через сто дней.	Misfortunes tell us what fortune is. / Every cloud has a silver lining	Беды кулем валяются, а счастье золотниками. / Было бы и счастье , да одолело нечастье .
Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй.	The child that falls by himself doesn't cry. The one who has torn away or lags behind by himself doesn't blame others.	Ребенок , упавший сам, не плачет. Человек , сам оторвавшийся или отставший, не обижается на других.	A bad workman quarrels with his tools. / If you cannot catch a fish , do not blame the sea (Greek). /	У правого уши смеются, а у виноватого язык уныл. / Вина голову клонит.

Из таблицы мы видим, что в колонке 1 представлена бурятская (исходная) паремия, в колонках 2 и 3 — перевод-деметафоризация на английский и русский языки, а в колонках 4 и 5 расположены английские и русские фразеологические эквиваленты / аналоги.

Перевод-деметафоризация, или, как уточняет автор, узуально-нормативный, близкий к оригиналу перевод, во-первых, в значительной степени облегчает процесс поиска готовых пословиц-коррелятов, а во-вторых, служит инструментом метаязыкового исследования исходных единиц, т.е. «вскрытия сути механизма метафоризации обыденного в качестве этических постулатов» [Там же]. Иначе говоря, на данном этапе перевода исследователю / переводчику рекомендуется глубоко проанализировать и вскрыть причинно-следственные связи того, как тот или иной образ «задействован» в качестве мотиватора выражения нравочужения.

Для иллюстрации данного способа перевода возьмём в качестве примера бурятскую пословицу из таблицы: «*Үглөө эдихэ өөхэһөө, мүнөө эдихэ ууихан дээрэ*». В результате перевода-деметафоризации получаем значения, которые представлены в колонках 2 и 3. Для передачи прескриптивного смысла рассматриваемой пословицы в качестве образов служат такие денотаты, как *лёгкие* и *сало*. Это можно объяснить тем, что буряты, будучи кочевниками, с незапамятных времён занимались скотоводством и жили в суровых климатических условиях, что требовало огромных энергетических затрат. Не мудрено, что основным компонентом традиционной кухни бурят является жирное мясо, отличающееся высокой калорийностью и сытностью [Бабуева, 2004]. Ещё в старину буряты давали грудным детям самый жирный кусок мяса — так называемый бараний курдюк (жировой нарост, расположенный в хвостовой части у баранов особой породы), который, во-первых, придавал силы и сытость организму младенца, а во-вторых, оказывал успокоительный и усыпляющий эффект за счет того, что ребенок сосал его вместо соски или пустышки [URL: <https://www.proza.ru/2016/01/28/1550> (дата обращения: 01.02. 2018)]. Что касается лёгких, в бурятской кухне эта разновидность мяса относится к продуктам второсортного качества и, в отличие от сала, не обладает высокой питательной ценностью. Однако данный продукт является незаменимым компонентом во многих бурятских блюдах, поскольку содержит достаточное количество полезных для организма человека витаминов и элементов.

Далее на основе узуально-дословного перевода мы декодируем прескриптивный смысл, заложенный в исходной паремии: «*Лучше довольствоваться тем, что есть сейчас, чем фантазировать о недостижимом в будущем*».

Второй способ перевода паремий — подбор фразеологического эквивалента / аналога — сводится к поиску в ПЯ коррелята, содержащего *схожий* прескриптивный смысл. Поясним, что главный исходный постулат, выдвигаемый автором учебника, заключается в утверждении об априорной невозможности достижения тождественности ИТ и ПТ в силу несоответствия систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ, с одной стороны, а также психонейрофизиологических принципов порождения и восприятия речи [Дашинимаева, 2017], с другой, поскольку переводчик и получатель не могут «появить в окне сознания» те же самые ассоциативные значения, которые возникают у буряты, использующего эту паремию в том или ином контексте. Однако, экспликация искомым образом в аутентичном предметном окружении помогает приблизиться к культуре-2 на наиболее близком расстоянии.

Итак, на основе перевода-деметафоризации анализируемой выше пословицы мы подбираем из ряда версий наиболее близкие корреляты в английском и русском языках по критерию «подобие в аспекте *прескриптивный потенциал*» (коллонки 4 и 5). Что касается английского коррелята, для выражения подобной дидактической функции используется образ *птицы*, однако сравнение строится на количественном принципе (*a bird — two birds*). Как мы видим, в рассматриваемой пословице образ птицы предстаёт в обобщенном виде, т.е. в ней не наблюдается какого-либо предпочтения к конкретному виду птиц. Подобный случай можно объяснить тем, что в английском языке существует некая тенденция к обобщению предметов, явлений и событий. Также следует заметить, что образ птицы в английской пословице не обладает жизненно важным значением для англичанина, в отличие от сала, которое является не только самой вкусной и питательной частью мяса, но и источником пропитания и выживания кочевников в самое холодное и суровое время года. В результате, из-за подобного несовпадения образов происходит небольшой семантический сдвиг, однако денотативный ряд *в руках и в кустах* приближает нас к исходной морали, тем не менее, функция опять же достигается с потерей: в бурятском случае указывается на отсутствие хорошего мяса, в английском — на присутствие хотя бы одного красивого объекта.

В русском корреляте также возникают образы птиц, а именно — *синицы* и *журавля*. Первая из них известна в русском фольклоре в качестве неприметной и невзрачной птички («*Синичку хоть в пиеничку, а толще не станет*»), однако весьма полезной и незаменимой («*Не велика синичка, да та ещё птичка*», «*Мала синичка, да ноготок остёр*» и т. д.). В отличие от синицы, журавль представляет собой большую перелётную птицу с длинным прямым клювом и с тонкими длинными ногами и шеей, что придаёт ему грациозный и благородный вид. Однако образ серого журавля в русской культуре в определенной степени ассоциируется с чем-то ускользающим и таинственным: услышав слово *журавль*, русский человек невольно слышит тревожащие душу крики журавлиного клина, летящего в высоком небе.

Вспомним известный фильм «Летят журавли» — единственный советский полнометражный фильм, получивший главный приз Каннского кинофестиваля. Не будет ошибкой предположить, что успеху фильма способствовала в том числе песня «Журавли», которая остается одной из самых любимых песен на русском языке. Песня получилась, несомненно, вследствие соединения усилий таланта трёх выдающихся личностей 20-го столетия — Расула Гамзатова, Яна Френкеля и Марка Бернеса. Перевод стихотворения Расула Гамзатова с аварского языка выполнил Наум Гребнев.

Символическое значение «журавля» исходит из поверья, которое существует на Кавказе, о том, что будто павшие на поле сражения воины превращаются в журавлей. Наряду с такими ассоциативными значениями, как полёт к цели, независимость, в этой связи и для русского народа журавль стал выступать символом грусти, свободы и душевного успокоения.

С точки зрения перевода данного символа примечательно то, что на фестивале фильм показан под названием *Quand passent les cigognes* (буквально с франц. «Когда пролетают аисты»), что значит, была произведена адаптация. Как объяс-

няет Н. К. Гарбовский, французской культуре журавли известны в той же мере, что и аисты, поэтому во французском языке существует лексическое обозначение этого вида птицы — *la grue*. Отсюда следует, что семантически эквивалентный перевод вполне возможен. Однако автор поясняет, что «во французском языке ещё с XV в. за этим словом закрепилось и переносное значение — проститутка» [Гарбовский, 2004, с. 404].

Таким образом, структура перевода паремий, представленная в форме таблицы, является достаточно удобной в плане сравнения образов и признаков исходной пословицы и её коррелятов. Если идти вслед за автором, то метафорические образы, «эксплуатируемые» в пословицах, являются регулярными элементами жизни того или иного народа и, следовательно, ассоциируются с важными понятиями и явлениями. В совокупности, как отмечает П. П. Дашинамаева, эти образы формируют определённые нравственные установки, т. е. выражают некую дидактическую функцию, которая в целевом языке выражается посредством других образов, обуславливающих соответственно свои — отличные от исходных — денотативные признаки и объекты.

Принцип перевода паремий в подобном ключе практичен тем, что позволяет:

- 1) провести металингвистический анализ, заключающийся в исследовании сути механизма «эксплуатации образа» в исходной единице;
- 2) определить культурный фон и перечень детерминант, которые послужили факторами для соответствующей метафоризации;
- 3) облегчить поиск соответствующих коррелятов в ПЯ на основе результатов лингвокультурного анализа;
- 4) сравнить те или иные образы и признаки, используемые в исходной пословице и подбираемых коррелятах с точки зрения выражения схожей прескрипции.

Литература

1. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят / В. Д. Бабуева. Москва, 2004. С. 225.
2. Будаева Ц. Л. К вопросу о степени экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц (на примере бурятских, русских и английских пословиц) / Ц. Л. Будаева, П. П. Дашинамаева // Научно-практический журнал «Аспирант». Ростов-на-Дону : Приоритет, 2016. № 9. С. 14–16.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
4. Дашинамаева П. П. Теория перевода: психолингвистический подход : учебное издание / П. П. Дашинамаева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
5. Дашинамаева П. П. Синтез теории и практики перевода. Пословицы в бурятском, русском и английском языках : учебно-методическое пособие / П. П. Дашинамаева, А. Т. Жанаев. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 73 с.
6. Ивин А. А. Философия: Энциклопедический словарь / А. А. Ивин. Москва : Гардарики, 2004. 456 с.
7. Пескова М. Закрытые ставни (Марина Пескова) / М. Пескова / Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2016/01/28/1550> (дата обращения: 01.02.2018).

THE ROLE OF DEMETAPHORIZATION IN THE TRANSLATION
OF PAREMIC UNITS' PRESCRIPTION

Tsyndyma L. Budaeva

Postgraduate of Buryat State University

Ulan-Ude, 670000 Russia

E-mail: budaeva_21@mail.ru

The article discusses the role of demetaphorizing in the translation of prescriptive component of paremic units, which are related to the category of hard-to-translate due to their difference both in conceptual content and prescription explication. Translation-demetaphorization as an intermediate stage of translation is a usual-literal normative translation, which is applied here as an instrument of metalinguistic analysis of the original unit. The analysis consists in studying the metaphORIZATION mechanism of the ordinary as ethical postulates. Translation-demetaphorization greatly facilitates, firstly, the decoding of the prescriptive potential or a didactic value in the proverb, and secondly, the search and selection of appropriate proverbs-correlates. The author also compares certain images and attributes of the original proverb and its equivalents, which manifest similar moral attitudes and didactic value / function. Buryat-Russian-English correlations are taken to be a source of analysis.

Keywords: translation; phraseology; paremic unit; metaphORIZATION; translation method; equivalent; translation-demetaphorization; prescription; prescriptive potential; didactic function; metalinguistic analysis.